

Наш корреспондент Елена Дангулова обратилась к главному режиссеру Московского академического театра имени Вл. Маяковского, Андрею Александровичу Гончарову

с просьбой поделиться своими мыслями по основным проблемам, которые он хотел бы затронуть в связи с предстоящей Всероссийской режиссерской конференцией.

ТЕАТР немислим без героя. Работа театра — это всегда поиск идеала современности, того героя, за которым пойдут, кому поверят, кому захотел бы следовать наш современник.

Такой герой может возникнуть только там и у того, кому по силам разобраться в делах и заботах сегодняшних со взглядом в завтрашний день.

Проблема эта вечная. Она стояла и перед Шекспиром, и перед Пушкиным, и перед Маяковским. Герой в жизни текущей. Борьба как шаг в день завтрашний. Они решали свои проблемы времени и решали их так, что даже мы, сегодняшние, поднимаем этот светильник разума, чтобы разобраться в дне сегодняшнем. Поэтому-то Шекспир для нас Шекспир и Маяковский — Маяковский. История незабывчива: гениальных хранит память человечества.

Но это история. Она заманчива для нас, художников современности. Через ее опыт, как через увеличительное стекло, мы видим проблемы сегодняшнего дня. А вот разобраться в них, и из тысячи предлагаемых решений найти единственно верное — это, пожалуй, самая трудная задача, стоящая перед нами сегодня. К нам в театр приходит зритель и ждет от нас ответа на все свои вопросы. «Я думаю о многом, — как бы говорит он нам, — не на все я нашел ответ, подсказки мне, Театр, правильно ли я понимаю жизнь, куда мне идти, — за этим я пришел к тебе, Театр».

И мы работаем. На тысячи вопросов — тысяча ответов? Нет, надо отместить мелкие и ответить на главный. Но и это не все. Искусство прекрасно, когда оно освещает дорогу. Одному уму не по силам охватить всю мощь современной мысли, современной техники — всего того, что мы называем прогрессом. И все равно, как бы ни стремительна была человеческая мысль XX века, века, вырвавшегося в космические скорости и пространства, завтрашний день всегда неизведан: будет ли это день растущего ребенка или полет в другие миры. И то, и другое немисливо без мечты, без нравственного света.

Наше советское искусство и есть этот нравственный свет, помогающий выявить неизведанное. Значит, нам, художникам театра, следует так работать сегодня, чтобы помочь другим видеть завтрашний день. Задача огромная. Но, чтобы справиться с ней, нужно уметь быть пристальным, необходима точность в показе сегодняшнего дня.

* Мы много говорим о том, что наше искусство должно очерчивать магистральную линию. Да, должно! Но как выбрать из тысячи мелких вопросов главные, решающие нашу жизнь? Если мы будем показывать ее складывающейся из мелочей быта, изо дня в день, — а ведь можно и подобный разговор вести в нашем искусстве и тоже изо дня в день, — будет ли это подлинным отражением действительности? Конечно, если видеть задачу театра в том, чтобы отвлекать зрителя от проблем современности, тогда правомерно и такое искусство. Но партией и народом возложена на нас обязанность формировать сознание нашего современника, нравственные категории нового человека, и добиться этого можно только постановкой подлинно жгучих вопросов времени. Зритель к нам приходит из жизни, где мир выстраивается на его глазах, его руками, его умом, огромный и прекрасный. А мы подчас пока-

зываем конфликты мелкого с незначительным. При подобном взгляде на жизнь о «правде человеческого духа» не стоит и мечтать. *

Театр — это увеличительное стекло. В этом и сила, и бесконечная сложность нашей работы. И нужно это по-

то не знала со дня ее существования. Тем более театр должен быть неистов, смел в поиске точности и многообразия мыслей о современности. Поэтому, каких бы тем мы ни касались, будь то историко-революционная тема — «Дума о Британке», бо-

ГЕРОЙ — В ЗРИТЕЛЬНОМ ЗАЛЕ

нимать как нашу сложнейшую задачу, коли она возложена на нас, художников, а не поворачивать врученное нам увеличительное стекло обратной стороной, не делать большее мелким.

В искусстве лучший путь для формирования сознания нашего современника — по-

гатство духовной жизни корифеев прошлого — «Беседы с Сократом» или современное село в рассказах Шукшина, театр, обращающийся к этим произведениям, мы верим, отвечает потребности зрительного зала. жаждущего разговора о дне сегодняшнем.

Гением Станиславского

Андрей ГОНЧАРОВ,
народный артист РСФСР, лауреат
Государственной премии им. Станиславского

становка проблем, которые требуют знака равенства с жизнью. Поэтому наш театр обращается сейчас не только к современным драматургам, но и ко всем смежным «братьям»: киносценаристам, писателям, журналистам, в творчестве которых мы находим эти подлинно жизненные проблемы. Рука дружба, с которой мы идем ко всем представителям смежных разделов литературы, не есть упрек драматургии, а естественное влияние времени. Мысль XX века успела столько, сколько не сделало человечество за всю его историю. Искусство должно быть мобильным, чтобы идти в ногу с подобными скоростями.

Я, режиссер, советский художник, обязан привести обе стороны театра, то есть и зрителя, и актера, жаждущих мыслей, чувств, страстей, равных мыслям, чувствам, страстям современной жизни, к щедрому роднику искусства. Если у меня нет достаточного литературного материала, я не смогу этого сделать. Наличие большой и малой сцены в нашем театре дает огромный простор эксперименту. Актеры ждут работы, ждут новых пьес, и, естественно, мы обращаемся к поискам новых тем, к новым жанрам, самым разнообразным формам литературы. Сцене нужно слово. А уж как выстроить его, как сделать его зрелищным, ярким и интересным — наше дело.

* Главное сегодня для театра — получить слово мыслителя. Проблемы сценичности по сравнению с проблемами зрелищности драматургии сегодня отходят на второй план, во всяком случае до тех пор, пока не будет достигнуто главное: созвучие искусства вопросам, поднимаемым жизнью. Утолить жажду зрителя и актера в этих темах мы, режиссеры театра, обязаны средствами сегодняшними и современными. *

Современность. Требования современности непреложно. Не ради новаций, не ради оригинальности мы обращаемся к другим жанрам слова — этого, повторяю, требует время. Да, это новая форма работы театра с литературой. Современная сцена ищет новые выразительные средства, на этом пути открыто столько, сколько она прос-

мы призваны быть мастерами организации действия, движения на сцене. Основа театра — действенная основа. Если нет предмета для обращения в сегодняшний день, то в какой бы изощренно оригинально-сценической форме ни были поставлены вопросы мелкие или фиктивно существующие, уничтожается сама суть искусства.

Да, театр — это вечный поиск магистральной темы. В острых, насущных проблемах, формирующих сознание человека, утверждающих его красоту и его стремление к лучшему, кроется она, эта тема, лишь тут истинная современность.

Зритель ждет от сцены той доверительной интонации, которая возникает только в театре. Нет ничего прекраснее живого слова, живого друга, тепла его руки, его силы и мужества, его поиска правды, его щедрого сердца. Доверительность зрителя, его доверчивость, его открытость — проявление величайшей благодарности — самое ценное, что есть у нас, у театра. И именно поэтому мы должны зрителю, жаждущему большого слова о современности, сказать это слово. Естественно, что эта задача неразрешима без подъема в драматургии. Она должна решаться сегодня и решаться безотлагательно, решаться самим театром.

* Вторая проблема, стоящая перед современным театром, — проблема выразительных средств. Надо вернуть в театр многоязычие выразительных средств. Когда мы говорим: этот человек без юмора — он опасный человек, что мы имеем в виду? Что одну и ту же мысль можно высказать с различной интонацией, и она приобретает всякий раз совершенно иной смысл. Прямолинейный театр — театр недалекий. Мы обязаны уметь владеть различными углами зрения, быть подвижными в диалоге со зрителем. Может быть, ироническая, обличительно-саркастическая интонация — без нее немислим разговор об отжившем, лубочная интонация веселого народного представления, героическая интонация... Что и о чем мы говорим — от этого меняется и характер актерской выразительности. Все многообра-

ние форм и жанров, подвижность выразительных средств, которыми владеет сегодня современная сцена, должны быть взяты на вооружение нашим театром. *

От той тональности, в какой мы будем говорить сегодня со зрителем, во многом зависит, получится или нет впечатляющий разговор о современности. Надо постигать актерскую технологию в овладении главным: темпераментом, движением ума, души, тела.

Наш репертуар строится в различных сферах выразительности сценических средств. Мы стремимся обогащать диапазон и дальше, так как современный театр — это театр многоязыкий. Нужно заботиться о способах, какими он пользуется для донесения в зрительный зал тех проблем, которыми должен жить современный человек.

И в заключение снова о том, что более всего волнует, — о современном герое. Я считаю, что формирование современного героя в театре происходит в зрительном зале. Это формирование достигается не только позитивной воспитательной работой, но и на негативном, критическом материале. Мы с детства постигаем, что такое хорошо и что такое плохо, постигаем в противопоставлении и на этом учимся. Воспитательная сила театра, искусства вообще — в единстве этих двух сторон. Если зритель видит, какое дремучее невежество порождает воинствующий мещанин в «Детях Ванюшина», он восстает против мещанства вообще.

И, наоборот, когда зритель видит пример Дон Кихота, дерущегося со страшным злом, в зрительном зале, я увере, рождается хорошая, «белая» зависть. И пусть этот нелепый человек — Дон Кихот смешон, пусть зритель, смотрящий на него, и разумнее, и рациональнее этого эмоционального человека. Но он видит его в театре живым, а значит, существующим реально — великое чудо театра! — и он соперничает ему, а значит, становится и сам чище и лучше.

Помню диспут в «Комсомольской правде»: «Нужен или не нужен Дон Кихот? Нужен. Я вижу его реально существующим, он сопутствует мне и в жизни, и в искусстве. Это мой герой и в «Председателе». Он и в комедии «Берегись автомобиля», он и в «Девяти днях одного года»... Такого героя у нас играл Охлупин в «Соловьиной ночи»: когда этот человек боролся за судьбы молодых людей, он тоже немного Дон Кихот.

Если внимательно посмотреть на репертуар нашего театра, то в нем непременно обнаружится такой герой. Герой, которого любишь, которому веришь.

* Я берусь утверждать, что искусство всех времен и народов — я имею в виду то искусство, которое вселяет веру в свет, в добро, в гуманизм, в завтрашний день, прекрасный и счастливый, в красоту деяний человеческих, — это искусство во многом зиждилось на Дон Кихотах, на идеальных людях. И даже если этим людям сопутствовало страдание — пример тому герои Достоевского, — все равно они несли свет, который искупал великое страдание. *

Искусство только тогда живо, когда оно несет свет и добро. Под этим углом зрения я смотрю на «положительное» и «отрицательное» в искусстве, отсюда исхожу в поисках положительного героя. Работы много, работы непочатый край, надо искать, надо пробовать. И все же под конец я еще раз хочу сказать: мой главный герой — в зрительном зале. Ради него мы ищем, о нем мы говорим сегодня, от него мы ждем тех тем, к которым так стремимся.

СОБЕДИНЕННАЯ ПРАВДА
13 МАР 1973